

НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 94(3)+930.2

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.93-105

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ ОПИСАНИЯ «ЧЁРНОЙ СМЕРТИ»

Т.Ф. Хайдаров

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье анализируется процесс зарождения и развития возникших в древнейшие времена сюжетов, связанных с массовыми эпидемиями и легших в основу средневековой нарративной традиции описания «Чёрной смерти». В современной историографии данный аспект изучения темы оказался вне сферы интересов исследователей. Особое внимание уделяется критическому текстологическому анализу уже опубликованных исторических источников. Последний показал, что смысловой ряд темы складывался во время формирования на Ближнем Востоке комплекса библейских текстов. В дальнейшем средневековые авторы опирались на взгляды античных авторов, стоявших на натурфилософских позициях (Гиппократ, Фукидида и Гален). Заметное влияние также оказали созданные во время «чумы Юстиниана» и «Чёрной смерти» византийские хроники Прокопия Кесарийского, Никифора Григоры и Иоанна VI Кантакузина. В то же время для полноценного описания психологического состояния средневекового религиозного общества, оказавшегося в условиях стресса, вызванного масштабной эпидемией, византийские авторы использовали популярный библейский сюжет «египетских казней». Такая дуальность в описании эпидемий сохранялась в Западной Европе вплоть до начала XXI в.

Ключевые слова: эпидемии древности, Библия, ковчег Завета, «казни египетские», Фукидид, Гиппократ, Гален, Прокопий Кесарийский, Иоанн VI Кантакузин

Одной из самых новаторских междисциплинарных исследовательских тем в современной мировой исторической науке является изучение масштабных эпидемий прошлого. Среди крупных исследователей, обратившихся в своих работах к этой тематике, можно выделить как отечественных, так и зарубежных авторов [1–8]. При этом зачастую многие из указанных ученых при интерпретации письменных источников ограничиваются некритическим анализом представленной в них информации. Чаще всего это приводит либо к простому переписыванию событий без учета сюжетов, сопутствовавших эпидемии и представленных в данных источниках, либо к дословному копированию сложившихся во второй половине XIX в. взглядов Г. Гезера [9]. В современных условиях построения

междисциплинарных исследований по исторической эпидемиологии данный подход считается не вполне уместным. Поэтому для более полноценной работы с уже опубликованными письменными источниками с учетом последних достижений в области естественно-научных дисциплин крайне важно более критично подойти к представленной в них информации.

При этом не следует забывать о главных задачах работы с документами. Одна из них – выявление древнейших первоисточников. Для средневековых авторов такими «истоками» по теме массовых эпидемий являются библейские тексты. Известно, что в основе последних, как правило, лежат сюжеты, созданные в Шумере, Вавилоне и Ассирии. Так, в тексте 12 песни «Эпоса о Гильгамеше» (XVIII – XVII вв. до н. э.) в сцене оплакивания главным героем смерти своего друга Энкиду присутствует описание последствий посещения шумерским богом мора и войны Эррой города Ура. Аналогичное описание бедствия присутствует в словах Гильгамеша при обращении к пережившему всемирный потоп бессмертному Утнапишти [1, с. 105]. Эти рассказы свидетельствуют о том, что первоначальное восприятие эпидемий в древних человеческих сообществах было напрямую связано с обожествлением данного бедствия, но не с попыткой его осмысления.

Первые тексты, где присутствует критический анализ причин и последствий массового мора среди населения, можно обнаружить в «Первой книге Самуила» (Библия). Согласно тексту главы 5, во время одной из войн с израильтянами филистимляне после набега на стан противника смогли захватить и доставить в свой город Азот ковчег Завета Господня – ковчег Бога Израилевого. Бросив его к ногам своего бога Дагона, филистимляне так и не смогли отметить победу. Разразившийся среди горожан мор поставил точку в праздновании (П.К.Ц., гл. 5, ст. 6).

Следующим городом филистимлян, где после доставки Ковчега разразился мор, стал Геф (П.К.Ц., гл. 5, ст. 9), после чего мор стал возникать в тех местах, куда привозили Ковчег. При этом каждый раз в описании данной эпидемии присутствуют уже упоминавшиеся ранее наросты. Очень скоро ужас и страх охватил все земли филистимлян. Для избавления от разразившейся «напасти» был создан совет царей пяти городов Филистеи. Вот как описывается в главе 6 принятие окончательного решения: по предложению присутствовавших на этом собрании филистимлянских жрецов и прорицателей было решено возвратить израильтянам ковчег Бога Израилевого вместе с дарами (П.К.Ц., гл. 6, ст. 1).

Поставленный на запряженную двумя отелившимися коровами повозку ковчег Завета Господня вновь оказался в землях Израиля. Его обнаружил во время пахоты на своем поле вефсамитянин Иисус, после чего мор вспыхнул уже в ближайшем израильском городе Вефсамисе (П.К.Ц., гл. 6, ст. 19). Исходя из текста, представленного в Библии, следующими городами израильтян, пострадавшими от данного бедствия, стали Кириафиарим и Иерусалим (П.К.Ц., гл. 6, ст. 21).

Если внимательно проанализировать представленную в библейском тексте информацию, то в глаза бросается не только описание самой клиники заболевания (наросты – бубоны) или явно завышенное число погибших во время этой эпидемии (50 070 филистимлян и 70 000 израильтян), но и, возможно, первое в истории человечества указание причины возникновения эпидемии (мыши).

Согласно современным исследованиям, в Библии были описаны реальные события [1, с. 103]. Скорее всего, речь шла о разразившейся около 1320 г. до н. э. в городах филистимлян вспышке бубонной чумы [2, кн. 1, с. 43]. Причем под «мышами», видимо, надо понимать не конкретный вид полевых мышей, а общее обозначение для всех грызунов. Поэтому зачастую близкие к мышам крысы (лат. *rattus*) неосознанно изображались на средневековых миниатюрах в качестве спутников «Чёрной смерти» [1, с. 104].

Несмотря на то что филистимляне, исходя из наблюдений за протеканием заболевания, более чем на три тысячелетия раньше большинства современных ученых догадались о возможной причастности грызунов к распространению чумы среди людей, популярным сюжетом для средневековых западноевропейских авторов в описании причин массовых эпидемий и их последствий был библейский отрывок, напрямую связанный с «десятью казнями египетскими». Следует заметить, что в библейских сообщениях о «данном бедствии» наряду с массовым появлением живых организмов (жаб, кровососущих мошек, пёсых мух, саранчи) перечисляются и «природные» явления (превращение речной воды в кровь; гром, молнии и огненный град; необычная темнота). Для исследователей эпидемий прошлого интерес представляют три «казни египетские»: 1) мор и падёж скота; 2) язвы и нарывы; 3) смерть первенцев (Исх., гл. 9, ст. 8–11).

Современные исследователи пришли к выводу, что данные бедствия являлись проявлениями совершенно иных заболеваний, нежели чума. Речь, по всей вероятности, шла о вспышке среди людей и домашнего скота инфекции сапа, вызванной укусами мелких мушек из семейства мокрецов, прилетевших на гниение нильской водной фауны (пресноводных и рыб); об отравлении египетских первенцев после употребления хлеба, зараженного спорами и токсинами грибка *Stachybotrys atra*, расплодившимися в верхнем слое зерновых запасов и попавшими из воды или экскрементов саранчи (Исх., гл. 7, ст. 20–21; гл. 8, ст. 5–6; гл. 9, ст. 23–25; гл. 10, ст. 22–23). В целом «казни египетские» являются описаниями масштабных изменений природно-климатических условий, вызванных усилением в XVII – XII вв. до н. э. сейсмической активности в восточной части Средиземноморья и на Аравийском полуострове [6; 7].

Несмотря на то что сюжет с «казнями египетскими» получил у средневековых западноевропейских хронистов большую популярность, всё же его использование носило преимущественно символический характер. Поэтому чаще всего его использовали для подчеркивания масштабности происходящих событий. Фактологическую сторону описания моров в средневековых западноевропейских хрониках составляли произведения древнегреческих и древнеримских авторов. Фактически именно с их произведений и брал свое начало весь последующий западноевропейский нарратив темы.

В качестве его первоисточника можно рассматривать труды древнегреческого историка Фукидида. В своей «Истории Пелопоннесской войны» (V в. до н. э.) он не только описал саму эпидемическую вспышку, но и попробовал впервые критически проанализировать суть происходящего. Собственно, само повествование о возникновении в Афинах во время Пелопоннесской войны масштабной эпидемии начинается с указания молниеносного характера ее распространения среди населения и поиска возможного региона происхождения

(Эфиопия, Египет, Ливия, большая часть владений персидского царя). Подчеркивая неместное происхождение данного заболевания, Фукидид сообщает: 1) врачи, впервые лечившие болезнь, не зная ее природы, не могли помочь больным и сами после соприкосновения с больными становились ее жертвами; 2) все мольбы в храмах, обращения к оракулам и прорицателям были напрасны; 3) первыми заболевшими в Афинах стали жители города Пирей, расположенного на побережье Эгейского моря (Фук., кн. 2, 47–48, с. 112).

И всё же главным достоинством данного труда является подробное описание симптоматики вспыхнувшей в Афинах крупной эпидемии, что позволило современным исследователям без подробного обращения к трудам античных врачей высказывать близкие к реальности предположения о конкретном заболевании. На сегодняшний день можно говорить о существовании по крайней мере нескольких противоположных гипотез. Основная масса современных ученых, полностью отрицая чумную природу «чумы Фукидида», склоняется к тифу или даже эболе. Однако ведущий отечественный антрополог Е.П. Бужилова высказывает предположение, что в Афинах вспыхнула наиболее вирулентная легочная форма чумы [8, с. 280].

Для более комплексного анализа возникшей в ходе Пелопоннесской войны эпидемии следует обратиться к симптоматике, приведенной в тексте (Фук., кн. 2, 49, с. 113–114). В целом последняя очень близка к той, что используют современные эпидемиологи при описании брюшного тифа. Именно данное эпидемическое заболевание было определено в ходе проведения греческими учеными генетического анализа зубов людей, погибших во время этой эпидемии [10]. Определение возбудителя «чумы Фукидида» позволило объяснить сюжет с исчезновением в Афинах животных и птиц (Фук., кн. 2, 50, с. 114).

Наиболее интересным и, пожалуй, недооцененным современными исследователями отрывком труда Фукидида выглядит сюжет, связанный с историей людей, переживших заболевание (Фук., кн. 2, 51, с. 115). Современные разработки в области исследования демографии позволяют нам говорить, что разрыв между процентом погибших по сравнению с выздоровевшими больными был колоссален. Вместе с тем мы не можем окончательно сосчитать общее количество погибших во время «чумы Фукидида».

Куда важнее выглядит полученная информация о психологическом состоянии человеческого сообщества, оказавшегося в условиях массовой эпидемии. Однако не представляется возможным полностью доверять представленной в сообщениях информации из-за доминирования в тексте эмоциональных авторских оценок общего количества погибших, локализации районов и длительности распространения данного заболевания. В то же время это позволяет понять оказавшегося в условиях природного катаклизма свидетеля событий и представить эмоциональное состояние общества в целом (Фук., кн. 2, 51–53, с. 115–116). В итоге, именно этот сюжет станет одной из излюбленных тем в средневековых западноевропейских текстах, посвященных «Чёрной смерти». Тем не менее следует отметить, что в большинстве своем поздние авторы не слишком критично использовали труд Фукидида. Зачастую все оценки событий преподносились в том виде, в котором они были представлены еще древнегреческим автором.

Более подробный текстологический анализ названного труда показал значительное влияние на Фукидида взглядов древнегреческого врача Гиппократа. Последний в качестве основных причин, приведших к возникновению среди человеческих сообществ крупных эпидемий, назвал ядовитый воздух, скученность людей и образ жизни (Гип., с. 204). Фактически точка зрения Гиппократа сводилась к тому, что проживающим на различных территориях и в различных природно-климатических условиях людям будет свойственен свой набор заболеваний. При этом важную роль играли индивидуальная предрасположенность к конкретным заболеваниям, образ жизни и время года. Таким образом, Гиппократ при обосновании своих взглядов основывался на натурфилософской позиции. В целом он стремился подчеркнуть индивидуальный подход в лечении больного [11, с. 136].

Следующим античным автором, чье письменное наследие при описании крупных эпидемий активно использовалось западноевропейскими средневековыми хронистами, стал древнеримский врач Гален. Хотя до современности не дошло ни одного полного произведения, где бы присутствовало полноценное описание его взглядов на данный вид бедствия, однако комплексный текстологический анализ всего эпистолярного наследия Галена и его последователей (средневековых арабо-мусульманских, византийских и западноевропейских врачей) позволил современным исследователям реконструировать основные постулаты этого «античного эскулапа». Главным образом речь идет о миазматической теории распространения заразных заболеваний [12].

Собственно формирование данной теории произошло во время разразившейся между 165 и 180 гг. н. э. на пространствах Римской империи «Антониновой чумы». Как следует из текстов самого Галена, данная эпидемия вспыхнула в войске Римской империи, возвращавшемся после окончания ближневосточной кампании. Согласно древнеримскому историку Диону Кассию, эпидемия унесла жизни двух римских императоров, а повторившись через 9 лет в самом Риме, данное бедствие «ежедневно убивало» до 2 тыс. человек (Фук., кн. 2, 51–53, с. 115–116). При описании симптомов эпидемии и ее последствий древнеримский врач явно старался исходить из текста Фукидида. Однако, в отличие от древнегреческого автора, Гален выделил несколько иные симптомы. Всё это позволило американским исследователям Р.Дж. Литтману и М.Л. Литтману выдвинуть гипотезу о распространении на территории Римской империи в 165–180 гг. н. э. эпидемии геморрагической оспы [12, р. 246]. Впрочем, нельзя отрицать и возможность вспышки легочной чумы, обладающей аналогичной симптоматикой. Окончательно снять вопрос об определении конкретного вида эпидемии, хозяйничавшей на территории Римской империи во второй половине II в., помогут лабораторные исследования человеческих погребений.

Приведенные в трудах Галена указания на территории Египта и Сирии как на регион исхода «Антониновой чумы» напрямую свидетельствовали о том, что древнеримский врач представлял в качестве одной из причин начала любой эпидемии резкий рост в жарком климате «заразных начал» – миазмов. Последние зачастую рассматривались им в качестве продуктов гниения, развивавшихся в почве, болотной воде или отходах человеческой жизнедеятельности. По мнению «античного эскулапа», скорейшим путем попадания внутрь организма больного

подобных частиц могло стать либо вдыхание воздуха, отравленного данными частицами, либо употребление зараженной пищи.

Дальнейший текстологический анализ трудов самого Галена показал, что теоретическую основу его произведений, как и у Фукидида, составили взгляды Гиппократов. Однако, в отличие от древнегреческих авторов, древнеримский врач при описании первопричин любого заболевания склонялся к взаимодействию в организме человека четырех состояний (сухости, влажности, холода, тепла). В противовес Фукидиду Гален рассматривал само выздоровление человека не как чудо, а как следствие качественно оказанной врачебной помощи [11, с. 180]. Подробно о галеновских методах борьбы с эпидемиями можно прочитать в трудах его верных последователей – арабо-мусульманских врачей (см. [13]). В целом методы Галена сводились к соблюдению гигиены, проветриванию помещений и правильному питанию. И все-таки предложенные во время «Антониновой чумы» способы борьбы с массовыми эпидемиями не помогли во время первой и второй пандемий средневековой чумы снизить уровень смертности среди населения. Представленные в сохранившихся нарративных источниках числовые данные о потерях среди населения не позволяют до сих пор полноценно представить уровень смертности в Римской империи. Американские исследователи Р.Дж. Литтман и М.Л. Литтман, отталкиваясь от приведенных статистических данных об эпидемии оспы в Мексике в 1779/80 гг. и в Западной Пруссии в 1874 г., пришли к выводу о примерной убыли среди населения за 23-летний период в размере 7–10 млн человек, или порядка 10% населения городов, что примерно соответствует 13–15% среди служащих римской армии [12, р. 254–255].

Следующую крупную эпидемию древности описал в VI в. н. э. секретарь знаменитого византийского полководца Велизария Прокопий Кесарийский. Хотя сам византийский летописец при описании бедствия вслед за Галеном старается придерживаться прагматических оценок, но всё же он не смог полностью отказаться от точки зрения, популярной в тот период. Согласно последней, любая крупная эпидемия рассматривалась исключительно как проявление воли Бога (Пр.Кес., кн. 2, XXII, с. 157). Эта двойственность в оценках византийским хронистом возникшего бедствия очень четко проявилась при описании предшествующих эпидемии событий.

Если комплексно анализировать представленную в тексте информацию, относящуюся к так называемой «чуме Юстиниана», то исследователями до сих пор не было отмечено единого повествования о начале и протекании данной эпидемии. Однако более пристальный текстологический анализ «Войны с персами» показал, что весь сюжет, связанный с эпидемией, раскрыт в 6 главах (IV, X, XI, XXII, XXIII и XIV) 2-й книги. Правда, до сих пор ученые традиционно использовали исключительно материалы XXIII и XIV глав, где, собственно, говорилось о самой эпидемии. В то же время средневековая нарративная традиция описания «морей» свидетельствует о том, что в сознании людей того времени большая роль в передаче информации приписывалась небесным или погодным явлениям. Поэтому при анализе труда Прокопия Кесарийского важно было обратить внимание на подобные сюжеты. Именно описанием появления на небе яркой кометы византийский летописец мог вполне осознанно указать

на обострение эпидемической обстановки на территории Ромейской империи (Пр.Кес., кн. 2, IV, с. 26). Данный прием описания начала бедствия был позднее широко использован средневековыми авторами.

Дальнейший текстологический анализ указанного произведения позволил заключить, что, стремясь достичь реализма в описании происходящих событий, автор продолжает оставаться в существовавшей еще с библейских времен парадигме передачи информации о крупных эпидемических вспышках. Для усиления эффекта драматизма ситуации и подчеркивания масштабности происходящего зачастую прибегали к упоминанию набегов варваров или же необъяснимых действий в поведении противников, или явлений небесных тел. При этом не отрицалось первенство божьей воли (Пр.Кес., кн. 2, IV, с. 35).

В частности, Прокопий Кесарийский не может объяснить некоторые действия гуннов по взятии ими расположенных в Крыму и на Балканском полуострове византийских городов. Еще больше вопросов вызывают сюжеты, связанные с антиохийским походом персидского «царя Хосрова». Определенный исследовательский интерес представляет отрывок 2-й книги «Войны с персами», посвященный необъяснимому явлению, возникшему перед сожжением персидскими войнами Антиохии (Пр.Кес., кн. 2, X, с. 69), а также сюжет, связанный с посещением персидским царем приморской Селевкии, находившейся на расстоянии 130 стадий от уже упомянутого города, накануне подписания с Юстинианом мирного договора (Пр.Кес., кн. 2, XI, с. 70).

Кроме того, в тексте труда Прокопия Кесарийского указывается на распространение эпидемии не только на территории Византийской империи, но и в Персии и «других варварских землях». Подробно об этом говорится в главе XXIII книги 2 «Войны с персами» (Пр.Кес., кн. 2, XXIII, с. 165–169).

Приведенный сюжет важен как в понимании процесса распространения эпидемии чумы, так и в осознании нарративной традиции, сложившейся в Средневековье, – фиксации обострения военно-политической ситуации среди явлений, сопутствующих эпидемии. Что касается первого явления, то указание Прокопия Кесарийского на расположенные восточнее Византии территории Великой Армении и Персидской империи могло напрямую свидетельствовать не только о египетском, но и о ближневосточном или даже среднеазиатском происхождении «Юстиниановой чумы» [14]. При этом скорее речь идет о распространении эпидемии посредством расположенных на пространствах Евразийского континента сухопутных торговых путей. В то же время не исключается распространение заболевания, зародившегося в глубинах евразийских степей, морскими путями через Индийский океан [15].

Второй факт позволяет утверждать о наличии прямой зависимости возникновения крупной эпидемии от обострения военно-политической обстановки на пространстве Евразии. Данный тезис был достаточно хорошо проработан в современной историографии и представлен в монографиях Б. Кэмпбелла и Т.Ф. Хайдарова [16, 17]. Однако сделано это было без прямой ссылки на приведенные выше отрывки труда ранневизантийского хрониста. Между тем в текстах средневековых авторов прослеживается использование отдельных частей именно из указанных отрывков произведения Прокопия Кесарийского.

При описании места исхода данной эпидемии (Египет) и ее клиники Прокопий Кесарийский достаточно четко следует нарративной традиции, сложившейся со времен Фукидида и Галена. Вместе с тем сам византийский хронист стремился достичь полноты передачи происходящих событий, что позволило с изрядной долей вероятности определить масштаб и вид заболевания. Это особенно становится заметно, когда читаешь о начале данной эпидемии и о ее масштабах.

Среди упомянутых византийским хронистом симптомов на первом этапе заболевания можно выделить: отсутствие аппетита, умственные расстройства, сопровождавшиеся конвульсиями и сильными болями, открывшееся кровотечение, бред, галлюцинации, сонливость, апатию, страх, жар и появление различных размеров и цветовой гаммы бубонов.

По признанию самого Прокопия Кесарийского, дальше распространение заболевания зависело от прямого контакта с «больным или умершим». Однако, по замечанию византийского хрониста, были зафиксированы случаи, когда контактировавшие с больными или те, кому была предсказана смерть, не умирали. При этом выздоровление могло наступить после вскрытия гнойного бубона, а у всех переживших заболевание наблюдалось всю оставшуюся жизнь расстройство речи и заикание.

Относительно длительности протекания эпидемии и количества погибших на территории Византийской империи Прокопий Кесарийский сообщил о четырех месяцах и пяти-десяти тысячах человек ежедневно (Пр.Кес., кн. 2, XXII, с. 156–164). Исходя из всего вышперечисленного, можно утверждать, что византийский хронист описал достаточно крупную вспышку неизвестного ранее заболевания. После открытия в конце XIX в. бактерии *Yersinia pestis* под последним стала пониматься пандемия бубонной чумы, более известная как «Юстинианова чума».

Отчасти в том, что достаточно длительный период под второй пандемией чумы исследователями понималась эпидемия именно этого заболевания, во многом была заслуга самого Прокопия Кесарийского. Именно в его труде будут описаны зафиксированные во время «Чёрной смерти» сопутствующие эпидемии явления (Пр.Кес., кн. 2, XXIII, с. 166–169).

Пожалуй, наиболее полно влияние взглядов секретаря византийского военачальника Велизария проявилось в трудах византийских хронистов, писавших уже во время второй пандемии чумы («Чёрной смерти»). Наиболее крупные описания разразившегося бедствия содержатся как в тексте сочинения Никифора Григоры, так и в хронике императора Иоанна VI Кантакузина (см. [17]). Причем если говорить о хронологическом периоде создания обоих текстов, то следует указать на то, что первый источник создавался еще до прихода «Чёрной смерти» на территорию Византийской империи и во время первой вспышки указанной эпидемии (1347 г.) в Константинополе. Поэтому о каком-либо критическом анализе бедствия или о резком изменении при описании аналогичных событий в традиционных для греко-римско-византийских хронистов текстологических формах говорить не приходится. Не улучшает положения и присутствие в хронике крайне эмоциональной оценки указанного события (Н.Г., т. 2, кн. XVI, с. 202).

В этом плане определенный исследовательский интерес представляет текст хроники Иоанна VI Кантакузина, написанный чуть позднее. Его подробный текстологический анализ показал, что при описании вспыхнувшей в 1347 г. в Константинополе эпидемии присутствуют как уже использовавшиеся Фукидидом и Галеном воззрения и обороты, так и совершенно новые взгляды и убеждения. Среди последних можно выделить предположения, касающиеся симптоматики заболевания. В первую очередь это относится к описанию появления на теле больных темных пятен (см. [18, S. 24]). Если исходить из данных современной эпидемиологии, то речь скорее всего шла о вспышке бубонной и легочно-септической чумы [5].

При этом в тексте данного источника было указано на достаточно большую скорость распространения заболевания среди населения и широкий охват им различных социальных слоев (J.C.H., V, III, 49.15–16, 50.8–10, 52.20–22). Если же говорить о явлениях, сопутствовавших данной эпидемии, таких как напряженность в обществе и эпизоотия среди домашних животных, то здесь в целом повторяется оценка Никифора Григоры (J.C.H., V, III, 50.1–4, 51.23–52.1, 51.21–22). Как и у византийского хрониста, у Иоанна VI Кантакузина основной причиной начала эпидемии чумы значится наказание свыше за людские прегрешения и их образумление. Данная христианская идея стала традиционной для средневековых хроник. По мнению отечественного историка Т.В. Куш, это нашло свое отражение в прямом указании в тексте императорской хроники на сюжет об оставлении Константинополя его защитницей – Богородицей. Поэтому у Иоанна VI Кантакузина основными способами излечения от мора были обозначены те методы, которые, согласно христианским воззрениям, позволили бы заслужить заступничество Господа, Богоматери и других небесных покровителей. Среди таких действий были названы: молитва, крестный ход и благородные поступки [19, с. 45].

Несмотря на достаточно подробное описание симптоматики заболевания, как и у арабских авторов того периода (Ибн Баттута, аль-Макризи), основной упор в императорской хронике делался на передачу информации о психологическом состоянии средневекового религиозного общества, оказавшегося в условиях масштабного эпидемического кризиса (см. [17]). Зачастую для передачи информации о событиях в византийских хрониках Никифора Григоры и Иоанна VI Кантакузина использовались библейские сюжеты, посвященные «казням египетским» и «ковчегу Завета», популярные в Средние века. Влияние этих сюжетов заметно как в текстах первых западноевропейских хроник, написанных в годы начала второй пандемии чумы («Чёрной смерти»), в 1348–1349 гг. (Хроника Жакме д'Аграмонта, болонские хроники), так и в хрониках Маттео Виллани и Габриэле де Мусси, написанных гораздо позднее, в 1356 и 1363 гг. Однако при этом средневековые христианские западноевропейские авторы при определении места и основных причин возникновения эпидемии, а также при описании происходивших во время данного катаклизма событий и основной симптоматики заболевания старались следовать сложившейся на тот момент греко-римской нарративной традиции, отличительной чертой которой являлся натурализм. В конечном итоге, подобная повествовательная традиция продолжала доминировать в работах западноевропейских авторов вплоть до открытия в конце XIX в. основного возбудителя чумы – *Yersinia Pestis*. Впрочем, некоторые

моменты продолжали появляться даже в работах конца первого десятилетия XXI в., когда активно стали использоваться лабораторные методы естественных наук (биологии, генетики, климатологи и т. п.).

В заключение можно отметить, что западноевропейская средневековая (христианская) нарративная традиция описания «Чёрной смерти» прошла достаточно долгий путь формирования. В итоге, уже ко времени вспыхнувшей в середине XIV в. второй пандемии чумы известия о ней представляли собой достаточно сформированное направление средневековой литературы, которая обладала общепринятыми оборотами описания событий. Фактически можно говорить о наличии по крайней мере нескольких истоков этих текстов, базировавшихся как на библейском символизме, так и на наблюдениях практикующих врачей Византийской империи, греко-римской и мусульманской цивилизаций. Поэтому учет этих специфических черт нарративной традиции будет занимать важное место при анализе подобного рода источников и реконструкции реальных событий.

Источники

- Гип. – *Гиппократ*. Избранные книги / Пер. с греч. В.И. Руднева; ред., вступ. статья и примеч. В.П. Карпова. – М.: Биомедгиз, 1936. – 739 с.
- П.К.Ц. – Первая книга Царств // Библия. Ветхий Завет. – URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/oldtest/main.htm>, свободный.
- Исх. – Книга Исход // Библия. Ветхий Завет. – URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/oldtest/main.htm>, свободный.
- Н.Г. – *Никифор Григора*. История ромеев: в 3 т. / Пер. с греч. Р.В. Яшунского. – СПб.: Квадривиум. – Т. 2, кн. XII – XXIV (начало). – 2014. – VIII, 496 с.
- Пр.Кес. – *Проконий Кесарийский*. История войн римлян с персами, вандалами и готами: в 2 кн. / Пер. С. Дестуниса – СПб., 1880. – Кн. 2. – II, 316 с. – (Записки ист.-филол. фак. императорского С.-Петербур. ун-та; т. 6).
- Фук. – *Фукидид*. История: в 2 т. / Пер. Ф. Г. Мищенко. – М., 1887. – Т. 1, кн. 1–4. – СXXXII, 516 с.
- J.C.H. – *Joannis Cantacuzeni Historiarum libri IV: 3 v.* / Ed. L. Schopen, E. Bekker. – Bonn, 1832. – V. 3. – 616 p.

Литература

1. *Даниэл М.* Тайные тропы носителей смерти. – М.: Прогресс, 1990. – 416 с.
2. *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы: в 2 кн. – М.: Вузовская книга, 2006. – Кн. 1: Чума добактериологического периода. – 468 с.
3. *Harper K.* The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire. – Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2017. – 440 p.
4. *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic 541–750* / Ed. by K.L. Little. – Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge Univ. Press, 2007. – 382 p.
5. *Miller S.T.* The plague in John VI Cantacuzenus and Thucydides // *Greek, Roman Byzantine Stud.* – 1976. – V. 17, No 4. – P. 385–395.
6. *Trevisanato S.I.* Treatments for burns in the London Medical Papyrus show the first show the first seven biblical plagues of Egypt are coherent with Santorini's volcanic fallout // *Med. Hypotheses.* – 2006. – V. 66, No 1. – P. 193–196. – doi: 10.1016/j.mehy.2005.08.052.

7. *Trifonov V.G.* The Bible and geology: Destruction of Sodom and Gomorrah // *Myth and Geology* / Ed. by L. Piccardi, W.B. Masse. – London: Geol. Soc., 2007. – V. 273. – P. 133–142.
8. *Бужилова А.П.* Homo sapiens: История болезни. – М.: Яз. слав. культуры, 2005. – 320 с.
9. *Haeser H.* Geschichte der epidemische Krankheiten: Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten. – Jena, 1865. – Bd. 1–3. – 991 S.
10. *Papagrigrakis M.J., Yapijakis Ch., Synodinos Ph.N., Baziotopoulou-Valavanic E.* DNA examination of an ancient dental pulp incriminates typhoid fever as probable cause of the Plague of Athens // *Int. J. Infect. Dis.* – 2006. – V. 10, No 3. – P. 206–214. – doi: 10.1016/j.ijid.2005.09.001.
11. *Сорокина Т.С.* История медицины. – М.: Академия, 2008. – 560 с.
12. *Littman R.J., Littman M.L.* Galen and the Antonine plague // *Am. J. Philol.* – 1973. – V. 94, No 3. – P. 243–255.
13. *Хайдаров Т.Ф.* Мусульманские авторы о «Чёрной смерти» // *Тюрколог. исслед.* – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 55–75.
14. *Shamiloglu U.* The plague in the time of Justinian and Central Eurasian history: An agenda for research // *Central Eurasia in the Middle Ages: Studies in Honour of Peter B. Golden (Turcologica)*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. – P. 293–311.
15. *Green M.H.* Putting Africa on the Black Death map: Narratives from genetics and history // *Afriques.* – 2018. – V. 9. – P. 1–46. – doi: 10.4000/afriques.2125.
16. *Campbell B.M.S.* The Great Transition: Climate, Disease, and Society in the Late-Medieval World. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016. – 463 p.
17. *Хайдаров Т.Ф.* Эпоха «Чёрной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 304 с.
18. *Bergdolt K.* Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. – München: C.H. Beck, 2000. – 268 S.
19. *Куц Т.В.* Чума в поздней Византии // *Византийский временник.* – 2008. – Т. 67, № 92. – С. 38–56.

Поступила в редакцию
10.07.2019

Хайдаров Тимур Фаритович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук
Подготовительного факультета

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: timkh2000@yandex.ru

**Origin and Development of the Medieval Narrative Tradition
of “Black Death” Description***T.F. Khaydarov**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia**E-mail: timkh2000@yandex.ru*

Received July 10, 2019

Abstract

The origin and development of ancient plots associated with mass epidemics, which formed the basis of the medieval narrative tradition of describing the Black Death – the second plague pandemic was analyzed. This aspect has been poorly studied in modern historiography. Special attention was paid to the critical textual analysis of the published historical sources. The latter showed that the semantic series of the theme was formed when the complex of biblical texts was created in the Middle East. Furthermore, the views of ancient authors who adhered to the Greco-Roman narrative tradition played an important role for medieval authors, thereby determining a clear trend in medieval texts created by Byzantine chroniclers during the first and second plague pandemics (the plague of Justinian and the Black Death). When describing the causes of epidemics, medieval authors based their views on natural philosophical views of ancient authors (Hippocrates, Thucydides, and Galen). At the same time, the psychological state of medieval religious society stressed by the large-scale epidemic was described by Byzantine authors with the help of the popular biblical story “Egyptian Executions”. This duality in the description of epidemics persisted in Western Europe until the early 21st century.

Keywords: epidemics of antiquity, Bible, Ark of Covenant, Egyptian Executions, Thucydides, Hippocrates, Galen, Procopius of Caesarea, John VI Cantacuzene

References

1. Daniel M. *Tainye tropy nositelei smerti* [Secret Trails of Death Hosts]. Moscow, Progress, 1990. 416 p. (In Russian)
2. Supotnitskii M.V., Supotnitskaya N.S. *Ocherki istorii chumy* [Essays on Plague History]. Book 1: Plague in the pre-bacteriological era. Moscow, Vuz. Kn., 2006. 468 p. (In Russian)
3. Harper K. *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton, Oxford, Princeton Univ. Press, 2017. 440 p.
4. *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic 541–750*. Little K.L. (Ed.). Cambridge, New York, Melbourne, Cambridge Univ. Press, 2007. 382 p.
5. Miller S.T. The plague in John VI Cantacuzenus and Thucydides. *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1976, vol. 17, no. 4, pp. 385–395.
6. Trevisanato S.I. Treatments for burns in the London Medical Papyrus show the first show the first seven biblical plagues of Egypt are coherent with Santorini’s volcanic fallout. *Medical Hypotheses*, 2006, vol. 66, no. 1, pp. 193–196. doi: 10.1016/j.mehy.2005.08.052.
7. Trifonov V.G. The Bible and geology: Destruction of Sodom and Gomorrah. In: *Myth and Geology*. Vol. 273. Piccardi L., Masse W.B. (Eds.). London, Geol. Soc., 2007, pp. 133–142.
8. Buzhilova A.P. *Homo sapiens: Istoriya bolezni* [Homo sapiens: Medical Record]. Moscow, Yaz. Slav. Kul’t., 2005. 320 p. (In Russian)
9. Haeser H. *Geschichte der epidemische Krankheiten: Lehrbuch der Geschichte der Medizin und der epidemischen Krankheiten*. Bd. 1–3. Jena, 1865. 991 S. (In German)

10. Papagrigorakis M.J., Yapijakis Ch., Synodinos Ph.N., Baziotopoulou-Valavanic E. DNA examination of an ancient dental pulp incriminates typhoid fever as probable cause of the Plague of Athens. *International Journal of Infectious Diseases*, 2006, vol. 10, no. 3, pp. 206–214. doi: 10.1016/j.ijid.2005.09.001.
11. Sorokina T.S. *Istoriya meditsiny* [The History of Medicine]. Moscow, Akademiya, 2008. 560 p. (In Russian)
12. Littman R.J., Littman M.L. Galen and the Antonine plague. *The American Journal of Philology*, 1973, vol. 94, no. 3, pp. 243–255.
13. Khaydarov T.F. Muslim authors about the Black Death. *Tyurkologicheskie Issledovaniya*, 2018, vol. 1, no. 1, pp. 55–75. (In Russian)
14. Shamiloglu U. The plague in the time of Justinian and Central Eurasian history: An agenda for research. In: *Central Eurasia in the Middle Ages: Studies in Honour of Peter B. Golden (Turcologica)*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2016, pp. 293–311.
15. Green M.H. Putting Africa on the Black Death map: Narratives from genetics and history. *Afriques*, 2018, vol. 9, pp. 1–46. doi: 10.4000/afriques.2125.
16. Campbell B.M.S. *The Great Transition: Climate, Disease, and Society in the Late-Medieval World*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2016. 463 p.
17. Khaydarov T.F. *Epokha "Chernoi smerti" v Zolotoi Orde i prilegayushchikh regionakh (konets XIII – pervaya polovina XV vv.)* [The Epoch of "Black Death" in the Golden Horde and Neighboring Regions (Late 13th – First Half of the 15th Centuries)]. Kazan, Inst. Hist. im. Sh. Mardzhani Akad. Nauk RT, 2018. 304 p. (In Russian)
18. Bergdolt K. *Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters*. München, C.H. Beck, 2000. 268 S. (In German)
19. Kushch T.V. Plague in Late Byzantium. *Vizantiiskii Vremennik*, 2008, vol. 67, no. 92, pp. 38–56. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Хайдаров Т.Ф. Зарождение и развитие средневековой нарративной традиции описания «Чёрной смерти» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 93–105. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.93-105. ⟩

⟨ **For citation:** Khaydarov T.F. Origin and development of the medieval narrative tradition of "Black Death" description. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 1, pp. 93–105. doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.93-105. (In Russian) ⟩